

***Много шума
из ничего***

*Комедия
в пяти актах*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Дон Педро, принц Арагонский.
Дон Хуан, его побочный брат.
Клавдио, молодой знатный флорентинец.
Бенедикт, молодой знатный падуанец.
Леонато, мессинский губернатор.
Антонио, его брат.
Балтазар, слуга дона Педро.
Борачио } приближенные дона Хуана.
Конрад }
Отец Франциск, монах.
Кизил, пристав.
Булава, помощник его.
Протоколист.
Мальчик.
Геро, дочь Леонато.
Беатриче, племянница Леонато.
Маргарита } камеристки Геро.
Урсула }
Гонцы, стража, свита, слуги.

Место действия — Мессина.

АКТ I

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Перед домом Леонато.

Входят Леонато, Геро, Беатриче и гонец.

Леонато. Я вижу из этого письма, что герцог Арагонский прибудет сегодня вечером к нам в Мессину.

Гонец. Сейчас он уже близко, я его оставил миль за три отсюда.

Леонато. Сколько же дворян потеряли вы в этом сражении?

Гонец. Очень немного; а из знатных — никого.

Леонато. Победа — двойная, когда победители возвращаются без потерь. В письме сообщается, что дон Педро весьма отличил молодого флорентинца по имени Клавдио.

Гонец. Он вполне заслужил это, и дон Педро, упомянув о нем, лишь воздал ему должное: синьор Клавдио превзошел все, что можно было ожидать от него в его возрасте — он дрался как лев во образе агнца. Словом, он превысил все надежды настолько, что это превышает мое умение рассказывать.

Леонато. В Мессине у него есть дядя, которого эти вести очень порадуют.

Гонец. Я уже вручил ему письма: он очень обрадовался им, до такой степени, что радость из стыдливости прибегла к наружным признакам горести.

Леонато. Он заплакал?

Гонец. Неудержимо.

Леонато. Сердечный избыток сердечности! Что может быть правдивее лица, омытого подобными слезами? Насколько лучше плакать от радости, чем радоваться слезам!

Беатриче. А скажите, пожалуйста, синьор Фехтовальщик вернулся с войны или нет?

Гонец. Я такого имени не слышал, синьора. В нашем войске такого человека не было.

Леонато. О ком это ты спрашиваешь, племянница?

Геро. Кузина имела в виду синьора Бенедикта из Падуи.

Гонец. А, он вернулся; и такой же весельчак, как всегда.

Беатриче. Он по всей Мессине развесил объявления, вызывая Купидона на состязание в стрельбе острыми стрелами; а дядюшкин шут прочел вызов, расписался за Купидона и предложил состязаться тупыми стрелами. Скажите, пожалуйста, много людей он на этой войне убил и съел? То есть много ли он убил? Потому что съесть всех, кого он убьет, обещала я.

Леонато. Право, племянница, ты слишком нападаешь на синьора Бенедикта; но я не сомневаюсь, что он поладит с тобой.

Гонец. Он очень отличился на войне, сударыня.

Беатриче. Верно, у вас был залежалый провиант и он помог вам с ним управиться? Он доблестный обжора: желудок у него превосходный.

Гонец. Он превосходный воин, сударыня.

Беатриче. Да, когда он с дамами; а каков-то он с кавалерами?

Гонец. С кавалером он — кавалер, и с воином — воин: он полон всяких достоинств.

Беатриче. Прямо-таки начинен ими, как пирог; но что до качества начинки... все мы — люди смертные.

Леонато. Не принимайте, сударь мой, всерьез выходок моей племянницы. Между нею и синьором Бенедиктом идет шуточная война: стоит им только сойтись, как сейчас же начинается перестрелка остроумиями.

Беатриче. Увы, он никогда не остается в выигрыше! В нашей последней стычке четыре из его пяти умственных способностей получили тяжелое увечье, и теперь им управляет одна-единственная; если у него хоть малая толика ума осталась — так хватит разве на то, чтобы отличить его от его лошади. Это единственное, что дает ему право называться разумным существом. А кто теперь его приятель? У него ведь каждый месяц новый названный братец.

Гонец. Возможно ли?

Беатриче. Очень даже возможно; его верность — все равно что фасон его шляп: меняется с каждой новой болванкой.

Гонец. Я вижу, сударыня, что этот кавалер не записан у вас в почетных книгах.

Беатриче. Нет! Будь это так, я сожгла бы всю мою библиотеку. Но все-таки кто же его приятель? Неужели нет какого-нибудь молодого шалопая, который готов с ним вместе отправиться хоть к самому черту?

Гонец. Он чаще всего бывает в обществе благородного Клавдио.

Беатриче. О Господи! Он пристанет к нему, как болезнь: он прилипчивее чумы, а кто им заразится, тот непременно сойдет с ума. Помогите, Создатель, благородному Клавдио! Если он заразился Бенедиктом, лечение обойдется ему в тысячу фунтов.

Гонец. Разрешите мне быть вашим другом, синьора.

Беатриче. Сделайте одолжение, милый друг.

Леонато. Ну, племянница, тебе-то уж не грозит опасность сойти с ума.

Беатриче. Разве что в январе жара хватит.

Гонец. Идет дон Педро.

Входят дон Педро, дон Хуан, Клавдио, Бенедикт
и Балтазар.

Дон Педро. Добрейший синьор Леонато, вы сами причиняете себе беспокойство. Другие стараются избежать лишних расходов, а вы сами напрашиваетесь на них.

Леонато. Беспокойство никогда не является в мой дом в лице вашего высочества. Ведь когда беспокойство исчезает — остается облегчение, а когда вы от меня уезжаете — остается огорчение, а счастье говорит: «Прости».

Дон Педро. Вы слишком охотно берете на себя заботы. Это, вероятно, ваша дочь?

Леонато. По крайней мере ее мать не раз мне это говорила.

Бенедикт. А вы разве сомневались в этом, что спрашивали ее?

Леонато. Нет, синьор Бенедикт, потому что вы тогда были еще ребенком.

Дон Педро. Получайте, Бенедикт! Теперь ясно, чем вы стали, когда сделались мужчиной. — Но, право, ее лицо ясно говорит, кто ее отец. — Будьте счастливы, сударыня: вы походите лицом на достойнейшего человека.

Бенедикт. Хотя синьор Леонато и отец ей, однако я уверен, что она за всю Мессину не согласилась бы иметь его голову на своих плечах, как она на него ни похожа.

Беатриче. Удивляюсь, как это вам охота все время болтать, синьор Бенедикт, когда на вас никто не обращает внимания.

Бенедикт. Как, милейшая Шпилька, вы еще живы?

Беатриче. Может ли Шпилька умереть, когда у нее есть такой удобный предмет для уколов, как

синьор Бенедикт? Сама Любезность должна превратиться в Шпильку в вашем присутствии.

Бенедикт. Тогда Любезность станет оборотнем. Но одно верно: в меня влюблены все дамы, за исключением вас одной. А я от всего сердца хотел бы, чтобы мое сердце не было таким жестоким, но я ни одной не люблю.

Беатриче. Какое счастье для женщин! Иначе им пришлось бы терпеть убийственного поклонника. Благодарю Бога и мою холодную кровь, что в этом я похожа на вас: для меня приятнее слушать, как моя собака лает на ворон, чем как мужчина клянется мне в любви.

Бенедикт. Да укрепит небо вашу милость в подобных чувствах! Это избавит немало господ от царапин на физиономии.

Беатриче. Если физиономия вроде вашей, так от царапин хуже не станет.

Бенедикт. Ну, вам бы только попугаев обучать.

Беатриче. Птица моей выучки будет лучше, чем животное, похожее на вас.

Бенедикт. Хотел бы я, чтобы моя лошадь равнялась быстротой и неутомимостью с вашим язычком. Впрочем, продолжайте с Богом; я кончил.

Беатриче. Вы всегда кончаете лошадиной остротой. Я это давно знаю.

Дон Педро. Отлично, Леонато.— Синьор Клавдио и синьор Бенедикт, мой дорогой друг Леонато приглашает нас всех к себе. Я ему сказал, что мы пробудем здесь по меньшей мере месяц, но он выражает сердечное желание, чтобы какая-нибудь случайность задержала нас еще дольше. И я готов поклясться, что это не притворство, а чистая правда.

Леонато. Если вы в этом поклянетесь, ваше высочество, то не рискуете оказаться клятвеннопреступником. (*Дону Хуану.*) Позвольте мне приветствовать

и вас, ваша светлость. Раз вы примирились с вашим братом, я весь к вашим услугам.

Дон Хуан. Благодарю. Я не люблю многословия, но... Благодарю.

Леонато. Не угодно ли вашему высочеству пройти вперед?

Дон Педро. Вашу руку, Леонато: войдем вместе.

Уходят все, кроме Бенедикта и Клавдио.

Клавдио. Бенедикт, заметил ты дочь синьора Леонато?

Бенедикт. Заметить не заметил, но видел ее.

Клавдио. Какая скромная молодая девушка!

Бенедикт. Как вы спрашиваете меня: как честный человек, только затем, чтобы узнать мое искреннее мнение, или вы хотите, чтобы я ответил вам, по моему обыкновению, как признанный враг женского пола?

Клавдио. Нет. Прошу тебя, отвечай просто и прямо.

Бенедикт. Что ж, по-моему, для большой похвалы она слишком мала; для высокой — слишком низка; для ясной — слишком смугла. Одно могу сказать в ее пользу: будь она иной, она была бы нехороша; а такая, как есть, она мне не нравится.

Клавдио. Ты думаешь, что я шучу? Нет, я прошу тебя сказать искренне, как она тебе нравится.

Бенедикт. Да что ты, купить ее, что ли, хочешь, что так о ней расспрашиваешь?

Клавдио. Разве может кто-нибудь в мире купить такую драгоценность?

Бенедикт. О да, и даже найти футляр, чтобы уложить ее. Но что ты это — серьезно говоришь или так, играешь в остроумие вроде болтунов, утверждающих, что Купидон — хороший охотник на зайцев, а Вулкан — отличный плотник? Скажи: в каком ключе надо тебе подпевать, чтобы попасть в тон твоей песне?

Клавдио. На мой взгляд — это прелестнейшая девушка, какую я когда-либо видел.

Бенедикт. Я могу еще обходиться без очков, однако ничего такого не вижу. Вот ее сестра — не вселись в нее бес — была бы лучше ее настолько, насколько начало мая лучше конца декабря. Но, я надеюсь, тебе не захотелось обратиться в женатого человека? Или захотелось?

Клавдио. Я не поверил бы самому себе, если бы поклялся в противном, согласись только Геро стать моей женой.

Бенедикт. Вот до чего дело дошло! Да неужели же во всем мире нет ни одного человека, который бы желал носить на голове шапку, не вызывая подозрений? Неужели так мне никогда и не видать шестидесятилетнего холостяка? Ну что ж, валяй! Раз ты непременно хочешь носить ярмо, подставляй шею и вздыхай напролет все воскресные дни. Смотри, дон Педро идет сюда: должно быть, он ищет нас.

Входит дон Педро.

Дон Педро. Какие это секреты задержали вас здесь, помешав последовать за Леонато?

Бенедикт. Я бы хотел, чтобы ваше высочество принудили меня открыть вам все.

Дон Педро. Повелеваю тебе именем твоей присяги на верность.

Бенедикт. Ты слышишь, граф Клавдио? Я умею хранить тайны, как немой, — ты в этом не должен сомневаться. Но именем моей присяги на верность — слышишь, присяги на верность! — он влюблен! «В кого?» (Это спрашивает ваше высочество.) Заметьте, до чего быстр его ответ: «В маленькую Геро, дочь Леонато».

Клавдио. Если это действительно так, — ответ правильный.

Бенедикт. Как в старой сказке, ваше высочество: «Это не так, и не было так, и дай Боже, чтобы этого не было».

Клавдио. Если страсть моя внезапно не исчезнет, дай Боже, чтобы так оно и было.

Дон Педро. Аминь, если вы любите ее; она вполне достойна любви.

Клавдио. Вы это говорите, чтобы меня поймавать, ваше высочество?

Дон Педро. Клянусь честью, я искренне высказал свои мысли.

Бенедикт. А я клянусь и честью и истиной, что высказал свои.

Клавдио. Что я люблю ее — это я чувствую.

Дон Педро. Что она достойна любви — это я знаю.

Бенедикт. А вот я так не чувствую, как ее можно любить, и не знаю, достойна ли она любви. Таково мое мнение, и его из меня огнем не выжечь: готов за это на костре умереть.

Дон Педро. Ты всегда был закоренелым еретиком в отношении прекрасного пола.

Клавдио. И он всегда выдерживал эту роль только благодаря силе воли.

Бенедикт. Я очень благодарен женщине — за то, что она меня родила, и за то, что меня выкормила, тоже низайше благодарю; но чтобы у меня на лбу играла роговая музыка или чтобы привесить мне рожок на невидимый ремешок, — нет, тут уж пусть женщины меня извинят. Я не желаю оскорбить своим недоверием какую-нибудь одну из них и потому не верю ни одной. Окончательный вывод — то, что меня не проведешь и я до конца жизни останусь холостяком.

Дон Педро. Прежде чем умру, я еще увижу тебя побледневшим от любви.

Бенедикт. От злости, от болезни или от голода, ваше высочество, но уж никак не от любви. Если

я начну бледнеть от любви, вместо того чтобы краснеть от вина, — позволяю вам выколоть мне глаза пером плохого стихоплета и повесить меня вместо вывески над входом в публичный дом в качестве слепого Купидона.

Дон Педро. Ну, если ты когда-нибудь отречешься от своих слов, ты будешь славной мишенью для насмешек.

Бенедикт. Если отрекусь, повесьте меня как кошку в кувшине и стреляйте в меня. И кто в меня попадет, того можете хлопнуть по плечу и назвать Адамом Беллом.

Клавдио. Время покажет! Говорят ведь: «И дикий бык свыкается с ярмом!»

Бенедикт. Дикий бык — может быть; но если благоразумный Бенедикт влезет в ярмо — спилите у быка рога и нацепите мне их на голову, потом размажьте меня и подпишите под портретом огромными буквами, как пишут: «Здесь сдается внаем хорошая лошадь», «Здесь показывают женатого Бенедикта».

Клавдио. Если это случится, ты, пожалуй, станешь бодаться.

Дон Педро. Нет. Если только Купидон не растратил в Венеции всех своих стрел, не миновать тебе этого потрясения.

Бенедикт. Скорее землетрясение случится.

Дон Педро. Время покажет. А пока что, любезнейший синьор Бенедикт, отправляйтесь к Леонато, передайте ему мой привет и скажите, что я не премину прийти к нему на ужин. Он затеял большие приготовления...

Бенедикт. Вот такое поручение особенно охотно исполню. «А засим, вручаю вас...»

Клавдио. «...милости Божией. Писано в моем доме, если бы он был у меня...»

Дон Педро. «...июля шестого дня. Ваш любящий друг Бенедикт».

Бенедикт. Нечего смеяться, нечего смеяться. Красноречие ваше заштопано лохмотьями, да и те плохо держатся на нем. Вы бы посовестились пускать в ход старые острооты. На этом я вас оставляю. *(Уходит.)*

Клавдио

Я вас прошу помочь мне, сударь.

Дон Педро

Моя любовь помочь тебе готова.

Но как? Скажи — и выучит она

Урок труднейший, чтоб тебе помочь.

Клавдио

Есть сын у Леонато, государь?

Дон Педро

Наследница и дочь одна лишь — Геро.

Ее ты любишь?

Клавдио

О мой государь,

Когда мы шли в поход, что ныне кончен,

Я любовался ею как солдат,

Которому суровый долг мешает

Дать нежной склонности расцвести в любовь.

Но я вернулся — бранные заботы

Меня покинули: на место их

Стеклись толпою сладкие желанья.

Они мне шепчут, что прекрасна Геро,

Что до войны была уж мне мила.

Дон Педро

Теперь всех слушателей, как влюбленный,

Потоком слов ты станешь донимать!

Ты любишь Геро — ну так и люби.

С ее отцом и с ней поговорю я:

Она твоею будет. Не затем ли

Ты начал плесть искусно свой рассказ?

Клавдио

Как нежно вы врачуете любовь,

По бледности поняв ее страданья!

Чтоб вы ее внезапной не сочли,
Хотел помочь я делу длинной речью.

Дон Педро

Зачем же шире речки строить мост?
Подарок лучший — то, в чем есть потребность.
Смотри, как это просто: ты влюблен,
А я тебе лекарство предоставлю.
Сегодня ночью будет праздник дан.
Я за тебя могу сойти под маской.
Скажу прекрасной Геро, что я Клавдио,
От сердца к сердцу все открою ей,
И слух ее я силой в плен возьму
И пылким приступом влюбленной речи.
Затем с ее отцом я потолкую,
И в заключение — она твоя.
Давай скорее примемся за дело.

Уходят.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Комната в доме Леонато.

Входят с разных сторон Леонато и Антонио.

Леонато. Ну что, братец? Где же мой племянник, где твой сын? Позаботился он о музыке?

Антонио. Хлопочет изо всех сил. Но послушай-ка, братец: я сейчас расскажу тебе такие новости, что тебе и во сне не снились.

Леонато. А хорошие это новости?

Антонио. Смотря по тому, как развернутся события; но на первый взгляд неплохие, я бы сказал даже — очень хорошие. Принц и граф Клавдио прогуливались в густой аллее у меня в саду, и один из моих слуг подслушал их разговор. Принц признавался Клавдио, что он влюблен в мою племянницу, твою дочь, и намерен открыться ей нынче вечером, во вре-

мя танцев; и если получит ее согласие, то времени терять не станет, а сейчас же переговорит с тобой.

Леонато. А у него есть царь в голове? У того, кто это тебе говорил?

Антонио. Это малый смысленый; я пошлю за ним — расспроси его сам.

Леонато. Нет, нет. Будем считать это сном, пока все не сбудется в действительности. Но дочь мою надо предупредить — на случай, если это окажется правдой. Ступай Расскажи ей это.

Входят слуги.

Вы, голубчики, знаете, что вам надо делать. — Э, дружок, сделай милость, пойдем со мной. Придется тебе проявить всю твою сноровку. Уж постарайся, голубчик, помоги мне в хлопотах.

Уходят.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Там же.

Входят дон Хуан и Конрад.

Конрад. Что это значит, ваша светлость? Почему вы так непомерно печальны?

Дон Хуан. Причина этому превыше всякой меры; оттого и у моей печали нет границ.

Конрад. Вам бы следовало послушаться доводов рассудка.

Дон Хуан. Ну, а если я их послушаюсь, какую пользу мне это принесет?

Конрад. Если это и не доставит вам быстрого облегчения, то по крайней мере поможет терпеливо переносить неприятности.

Дон Хуан. Странно! Ты сам говоришь, что родился под знаком Сатурна, а вместе с тем пытаешься

предложить мне нравственные средства против смертельного недуга. Я не умею скрывать свои чувства: когда у меня есть причина для печали, я должен быть печальным и ни на чьи шутки не улыбаться; когда я голоден, я должен есть и никого не дожидаться; когда меня ко сну клонит, должен спать, не заботясь ни о чьих делах; когда мне весело — смеяться и никогда не подделываться под чье бы то ни было настроение.

К о н р а д. Да, но вам не следует выказывать свой характер, пока вы не будете вполне самостоятельны. Вы так недавно восставали против вашего брата; сейчас он вернул вам свою милость, но, чтобы вам утвердиться в ней, уж вы сами должны позаботиться о хорошей погоде. Сумейте выбрать время для своей жатвы.

Д о н Х у а н. Я бы лучше хотел быть чертополохом у забора, чем розой в саду его милости. По моей натуре, мне приятнее терпеть общее презрение, чем притворством красть чью-нибудь любовь. Хоть и нельзя сказать, что я честный льстец, зато никто не станет отрицать, что я откровенный негодяй. Мне доверяют, надев намордник, и дают свободу, опутав ноги. Вот я и решил: не буду петь в клетке! Снимите с меня намордник — я буду кусаться; дайте мне свободу — я буду делать все, что хочу. Пока что — дай мне быть самим собой и не старайся изменить меня.

К о н р а д. Неужели вы не можете извлечь какой-нибудь пользы из вашего недовольства?

Д о н Х у а н. Я из него извлекаю всю пользу, какую могу, потому что это все, что у меня есть! Кто это идет?

Входит Борачио.

Что нового, Борачио?

Б о р а ч и о. Я только что с великолепного ужина. Леонато по-царски принимает вашего брата. Могу вам сообщить о предстоящей свадьбе.

Дон Хуан. Нельзя ли из этого устроить какую-нибудь каверзу? Какой дуралей хочет обручиться с заботами?

Борачио. Представьте себе, правая рука вашего брата.

Дон Хуан. Кто? Очаровательный Клавдио?

Борачио. Он самый.

Дон Хуан. Прекраснейший кавалер. Но на ком же? На ком? Кто прельстил его?

Борачио. Представьте себе, Геро — дочь и наследница Леонато.

Дон Хуан. Быстро же он оперился! Но как ты это узнал?

Борачио. Мне приказали покурить в комнатах. И вот, когда я зашел в одну непроветренную комнату, вдруг вижу: идут мне навстречу принц и Клавдио под ручку и о чем-то серьезно разговаривают. Я мигом юркнул за занавеску и оттуда все слышал — как они условились, что принц посватает Геро и, получив ее согласие, вручит ее графу Клавдио.

Дон Хуан. Ого! Пойдем-ка туда. Пожалуй, тут есть на чем сорвать мою досаду. Этот юный выскочка — причина моего падения, и если я хоть как-нибудь сумею насолить ему, я буду очень счастлив. Верны ли вы оба и беретесь ли мне помочь?

Конрад. По гроб жизни, ваша светлость.

Дон Хуан. Пойдем же на их великолепный ужин. Их веселье еще увеличивается сознанием, что я побежден. О, если бы повар разделял мои чувства! Но пойдем посмотрим, что тут можно сделать.

Борачио. Мы к услугам вашей светлости.

Уходят.

АКТ II

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Зал в доме Леонато.

Входят Леонато, Антонио, Геро, Беатриче
и другие.

Леонато. А графа Хуана не было за ужином?

Антонио. Я не видел его.

Беатриче. Какое кислое выражение лица у этого господина! Мне стоит на него взглянуть — и меня потом целый час изжога мучает.

Геро. Он очень меланхолического нрава.

Беатриче. Вот если бы взять среднее между ним и Бенедиктом, превосходный вышел бы человек: один — совсем истукан, ничего не говорит, другой — настоящий маменькин сынок, вечно болтает без умолку.

Леонато. Значит, если бы половину языка синьора Бенедикта в уста графа Хуана, а половину меланхолии графа Хуана на лицо синьора Бенедикта...

Беатриче. ...да еще вдобавок красивые ноги, дя-дюшка, и побольше денег в кошельке. О, такой мужчина покори́л бы любую женщину в мире, если бы только мог заслужить ее благосклонность!

Леонато. Право, племянница, ты никогда не найдешь себе мужа, если будешь так остра на язычок.

СОДЕРЖАНИЕ

МНОГО ШУМА ИЗ НИЧЕГО	5
КАК ВАМ ЭТО ПОНРАВИТСЯ	101
Послесловие. <i>А. Смирнов</i>	201
Примечания. <i>А. Смирнов</i>	214